

## Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Русскій быть —  
 Увы!—совсѣмъ не такъ глядѣть,  
 Хотя о семейности его  
 Славянофилы намъ твердятъ  
 Уже давно,—но, виновать,  
 Я въ немъ не вижу ничего  
 Семейнаго... О старинъ  
 Разсказовъ много знаю я,  
 П память вѣрная моя  
 Тѣмъ пѣсень сохранила мнѣ  
 Однообразныхъ и простыхъ,  
 Но страшно грустныхъ... Слышенъ въ нихъ  
 То голосъ воли удалой,  
 Все злою долею женой,  
 Все подколенную змѣей  
 Опутанный,—то плачь о томъ,  
 Что тускло зимнимъ вечеркомъ  
 Горитъ лучина,—хоть не спать  
 Бѣдняжкѣ ночь, и друга ждать,  
 И тѣшить старую любовь,—  
 Что ту лучину залила  
 Лихая старая свекровь...  
 О, вѣрте мнѣ, не весела  
 Картина—русская семья...  
 Семья для насъ всегда была  
 Лихая мачиха, не мать..

А. Григорьевъ.

Издавая въ свѣтъ полное собраніе стихотвореній покойнаго Кольцова, мы прежде всего думаемъ выполнить долгъ справедливости въ отношеніи къ поэту, до сихъ поръ еще не понятому и не оцѣненному надлежащимъ образомъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы Кольцовъ не обратилъ на себя общаго вниманія еще при первомъ появленіи своемъ на литературное поприще; но это вниманіе относилось не столько къ поэту съ сильнымъ самобытнымъ талантомъ, сколько къ любопытному феномену. Большею частью въ немъ видѣли русскаго мужичка, который, едва зная грамотѣ, самъ собою открылъ и развилъ въ себѣ способность писать стихи, и при томъ недурные. Всѣ поняли, что по таланту Кольцовъ выше Слѣпушкина, Суханова, Алипанова; но не многіе поняли, что у него рѣшительно не было ничего общаго съ этими поэтами-самоучками, какъ ихъ тогда величали. Впрочемъ, это естественно, и тутъ некого винить. Для вѣрной оцѣнки всякаго поэта нужно время, и не разъ случалось, что даже великіе гении въ области искусства были признаваемы только потомствомъ. Теперь этого уже не бываетъ, потому что теперь пустому, но блестящему таланту легче попасть въ гениі, нежели гению не быть признаннымъ; но и теперь это признаніе цѣлой массой общества

тоже требуетъ времени и обходится не безъ борьбы. То же самое можно отнести ко всякому замѣчательному таланту, выходящему изъ-подъ уровня обыкновенности.

Кромѣ этого обстоятельства, Кольцовъ явился въ то время русской литературы, когда она, такъ сказать, кипѣла новыми талантами въ новыхъ родахъ. Едва замолкли поэты, вышедшіе по слѣдамъ Пушкина, какъ начали появляться романисты, нувеллисты, а потомъ поэты-стихотворцы, рѣзко отличившіеся отъ прежнихъ своимъ направленіемъ и колоритомъ. Въ литературѣ молодой и не установившейся новостъ возбуждаетъ такое же вниманіе, какъ и гениальность, и часто считается за одно съ нею, хотя и не надолго. Среди всѣхъ этихъ новостей какъ Кольцовъ возбудилъ собою вниманіе, какъ новостъ, появившаяся подъ именемъ поэта-прасола. Будь онъ не мѣщанинъ, почти безграмотный, не прасоль, — его стихотворенія, можетъ быть, едва ли были бы тогда замѣчены. Первые стихотворенія Кольцова печатались изрѣдка въ разныхъ малоизвѣстныхъ изданіяхъ. Публика узнала о немъ только въ 1835 году, когда въ Москвѣ вышла книжка его стихотвореній, въ числѣ восемнадцати пьесъ, изъ которыхъ едва ли половина носила на себѣ отпечатокъ его самобытнаго таланта, потому что пора на-